

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ОГЮСТ
КОНТ

СОЦИАЛЬНАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ

ИЗБАВЛЕНИЕ
ОТ ИЛЛЮЗИЙ

ЭМИЛЬ
ДЮРКГЕЙМ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Эмиль Дюркгейм

**Социальная эволюция.
Избавление от иллюзий**

«Алисторус»

УДК 122/129
ББК 87.7

Дюркгейм Э.

Социальная эволюция. Избавление от иллюзий / Э. Дюркгейм — «Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-00180-958-6

Огюст Конт (1798-1857) - французский философ и социолог, основоположник позитивизма и социологии как самостоятельной науки. Основным закон социологии Конта - «любовь как принцип, порядок как основание, прогресс как цель». В идеальном обществе, которое Конт называл позитивистским или положительным, царит солидарность различных групп и классов, а государство предупреждает «фатальную склонность к коренному расхождению в идеях, чувствах и интересах». Эмиль Дюркгейм (1858-1917) наряду с Огюстом Контом считается одним из основателей социологии, но существенно расходился с ним во взглядах. Общество находится в процессе непрерывной эволюции, - утверждал он. - По мере того как социальная среда становится более сложной и подвижной, традиции и сложившиеся верования расшатываются, принимают неопределенную форму. Для адаптации к новой социальной среде, необходимо развитие мыслительных способностей как в обществе в целом, так и у отдельных его представителей. В книге приводятся основные работы Конта и Дюркгейма, посвященные этим проблемам.

УДК 122/129

ББК 87.7

ISBN 978-5-00180-958-6

© Дюркгейм Э.

© Алисторус

Содержание

Огюст Конт	7
О слове «положительное»	7
Соотношение между положительным мышлением и здравым смыслом	9
Превосходство положительного мышления	12
Согласование порядка и прогресса	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Огюст Конт, Эмиль Дюркгейм
Социальная эволюция.
Избавление от иллюзий

Философский поединок

© ООО «Издательство Родина», 2023

© Перевод с французского А. Гофмана, И. Шапиро

Огюст Конт

Положительное (позитивное) общество (из работы «Дух позитивной философии»)

О слове «положительное»

Как все народные выражения, возвышенные постепенно до философского достоинства, слово *положительное* (*positif*) имеет в наших западных языках много различных значений, даже если отбросить грубый смысл, придаваемый ему сначала мало просвещенными людьми. Рассматриваемое сначала в его более старом и более общем смысле, слово положительное означает *реальное* в противоположность химерическому. В этом отношении оно вполне соответствует новому философскому мышлению, характеризующему тем, что оно постоянно посвящает себя исследованиям, истинно доступным нашему разуму, и неизменно исключает непроницаемые тайны, которыми он преимущественно занимался в период своего младенчества.

Во втором смысле, чрезвычайно близком к предыдущему, но, однако, от него отличным, это основное выражение указывает на контраст между *полезным* и *негодным*. В этом случае оно напоминает в философии о необходимом назначении всех наших здоровых умозрений – непрерывно улучшать условия нашего действительного индивидуального или коллективного существования, вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства.

В своем третьем обычном значении это удачное выражение часто употребляется для определения противоположности между *достоверным* и *сомнительным*, оно указывает, таким образом, характерную способность этой философии самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и мышления.

Четвертое обыкновенное значение, очень часто смешиваемое с предыдущим, состоит в противопоставлении *точного* смутному. Этот смысл напоминает постоянную тенденцию истинного философского мышления добиваться всюду степени точности, совместимой с природой явлений и соответствующей нашим истинным потребностям; между тем как старый философский метод неизбежно приводит к сбивчивым мнениям, признавая необходимую дисциплину только в силу постоянного давления, производимого на него сверхъестественным авторитетом.

Наконец, нужно отметить особо пятое применение, менее употребительное, чем другие, хотя столь же всеобщее – когда слово положительное употребляется как противоположное *отрицательному*. В этом случае оно указывает одно из наиболее важных свойств истинной новой философии, представляя ее как назначенную, по своей природе, преимущественно не разрушать, но *организовать*.

Здоровая философия беспристрастна и терпима относительно всех мнений, – в виду ее общего безразличия (отношение, которым не могут похвастать их разномыслящие приверженцы), она задается целью исторически оценить их взаимное влияние, условия их продолжительного существования и причины их упадка. При этом она никогда ничего безусловно не отрицает даже там, где речь идет об учениях, наиболее противных современному состоянию человеческого разума. Единственная существенная характерная черта нового философского мышления, которая не была бы еще непосредственно указана словом положительное, состоит в его необходимой тенденции заменять всюду абсолютное относительным. Но это великое свойство, одновременно научное и логическое, до того присуще основной природе реальных знаний, что его общее рассмотрение не замедлит войти в тесную связь с различными взглядами,

уже вошедшими в сочетание этой формулы, когда новый строй мысли, до сих пор частичный и эмпирический, перейдет повсюду к систематическому утверждению.

Пятое значение, которое мы только что рассмотрели, в особенности способно определять эту сжатость вполне установленного нового философского языка по очевидному сходству двух свойств. Понятно, в самом деле, что абсолютная природа древних учений, как теологических, так и метафизических, неизбежно обуславливала отрицательное отношение каждого из них ко всем другим, так как иначе им угрожало самим выродиться в бессмысленный эклектизм. Напротив, именно в силу относительности своего духа новая философия может всегда входить в оценку собственного достоинства противных теорий, не склоняясь, однако, никогда к напрасным уступкам, могущим затемнять ясность ее взглядов и ослаблять твердость ее решений.

Позволительно, таким образом, на основании всего предшествовавшего специального рассмотрения предположить, что употребляемая здесь формула для обычного определения этой окончательной философии будет иметь в умах всех здравомыслящих полное действительное сочетание ее различных характерных свойств.

Соотношение между положительным мышлением и здравым смыслом

При исследовании основного начала этого философского метода приходится вскоре признать, что его самопроизвольное зарождение действительно совпадает с первоначальными практическими упражнениями человеческого разума: ибо совокупность объяснений, приведенных в этом «слове», ясно доказывает, что все главные свойства этого метода в сущности ничем не отличаются от свойств всеобщего здравого смысла. Весьма важно понять, что в существе дела истинный философский дух всюду состоит преимущественно в систематическом расширении простого здравого смысла на все действительно доступные умозрения.

Их область совершенно тождественна, ибо величайшие вопросы здоровой философии связываются всюду с простейшими явлениями, по отношению к которым искусственные случаи составляют только более или менее необходимое подготовление. И тот, и другой имеют одну и ту же экспериментальную точку отправления, преследуют одну и ту же цель – объединять и предусматривать, оба одинаково постоянно заботятся о реальности и окончательным пределом своих стремлений равным образом считают полезность. Все их существенное различие заключается в систематической общности одного, зависящей от его необходимой отвлеченности, противоположной несвязной специализации другого, всегда занятого конкретным.

С догматической стороны эта основная связь представляет науку в собственном смысле слова, как простое методическое продолжение всеобщей мудрости. Поэтому здоровые философские умозрения, далекие от того, чтобы когда-либо подвергать сомнению вопросы, которые верно разрешила такая мудрость, заимствуют всегда у простого рассудка свои первоначальные понятия, дабы возвести их путем систематической обработки на степень общности и постоянства, которой они сами собой не могли достигнуть.

В течение всего процесса этой обработки постоянный контроль этой примитивной мудрости имеет, сверх того, чрезвычайную важность, как порождаемый потребностью или фантазией, которые часто оказывают свое влияние при непрерывном состоянии отвлечения, необходимом для философской деятельности. Несмотря на их необходимое свойство, собственно здравый смысл преимущественно заботится о реальности и полезности, между тем как специально философское мышление более занимается оценкой общности и связи так что их двоякое повседневное взаимодействие становится одинаково благотворным для каждого из них, укрепляя их основные качества, которые иначе естественно изменялись бы.

Это отношение ясно указывает, насколько тщетны и бесплодны спекулятивные исследования, имеющие предмет *первичные основоположения* какого-либо вопроса, которые, долженствуя всегда исходить из народной мудрости, не принадлежат никогда к области истинной науки; они, напротив, составляют ее сами собой являющиеся основания и поэтому не подлежат обсуждению; это положение устраняет массу праздных или опасных споров, оставленных нам прежним строем мышления. Можно равным образом понять совершенную и окончательную тщетность всех предварительных изучение, относящихся к отвлеченной логике, где речь идет об оценке истинного философского метода независимо от применения его к какому-либо классу явлений.

В самом, деле, единственные истинно общие принципы, которые можно было бы установить в этом отношении, сводятся, как это легко проверить на наиболее знаменитых из этих афоризмов, к некоторым бесспорным, но очевидным правилам, заимствованным у здравого смысла и в действительности ничего, существенного не добавляющим к указаниям, вытекающим у всех разумных людей из простой самопроизвольной деятельности мышления.

Что касается способа приспособлять эти всеобщие правила к различным классам наших положительных умозрений (это составляло бы истинную ценность и реальную полезность

таких логических предписаний), то он мог бы быть подвергнут действительной оценке только после специального анализа соответственных знаний, сообразно со специфической природой рассматриваемых явлений.

Здоровая же философия никогда не отделяет логики от науки; и так как метод и доктрина могут в каждом случае быть правильно оценены только по их действительным взаимным отношениям, то, в сущности, невозможно придавать логике, как и науке, всеобщий характер посредством чисто отвлеченных концепций, независимых от всяких определенных явлений; попытки этого рода показывают еще тайное явление абсолютного духа, присущего теолого-метафизическому образу мышления.

* * *

Эта тесная естественная солидарность между духом, свойственным истинной философии, и всеобщим простым здравым смыслом, рассматриваемая теперь исторически, показывает самопроизвольное зарождение положительного духа, действительно обусловленное всюду специальным воздействием практического рассудка на теоретический разум, первоначальный характер которого таким образом изменялся все более и более. Но это постепенное превращение не могло происходить ни одновременно, ни, в особенности, с одинаковой скоростью по отношению к различным классам отвлеченных умозрений, которые первоначально, как мы это признали, все были теологическими. Постоянное конкретное побуждение могло заставить положительный дух проникать туда только согласно определенному порядку, который соответствовал возрастающей сложности явлений и который ниже будет объяснен непосредственно.

Отвлеченное положительное мышление, по необходимости рожденное в простейших математических исследованиях и распространенное затем путем само собой возникающего сходства или инстинктивного подражания, могло, таким образом, сначала носить только специальный и, во многих отношениях даже эмпирический характер, который должен долгое время скрывать от большей части его сторонников как его неизбежную несовместимость первоначальной философией, так и, в особенности его основное стремление создать новый логический строй.

Его непрерывные успехи под возрастающим давлением здравого смысла могли тогда непосредственно обусловить лишь предварительное торжество метафизического духа, предназначенного, в силу своей самопроизвольной общности, служить ему философским орудием в течение веков, протекших между теоретическим подготовлением монотеизма и его полным социальным установлением, после чего онтологический порядок, достигнув наибольшего влияния, какого только допускала его природа, вскоре становился угнетающим для научного подъема, которому он дотоле благоприятствовал. Поэтому положительный дух мог достаточно проявить свою собственную философскую тенденцию только тогда, когда это угнетение заставило его, наконец, вступить в специальную борьбу с метафизическим направлением, с которым он должен был долгое время казаться смешанным.

Вот почему первоначальное систематическое основание положительной философии не может восходить дальше памятного кризиса, когда совокупность онтологического порядка начала во всей Западной Европе изнемогать под натиском самих собою сочетавшихся двух замечательных умственных течений – одного научного, созданного Кеплером и Галилеем, другого философского, обязанного своим возникновением Бэкону и Декарту. Несовершенное метафизическое единство, построенное к концу средних веков, было отныне безвозвратно разрушено подобно тому, как греческая онтология уже навсегда разрушила великое теологическое единство, соответствовавшее политеизму.

Начиная с этого действительно решительного кризиса, положительная философия выросла в течение двух веков больше, чем она могла это сделать в продолжение всего своего

долгого прошлого, и отныне допускает возможность существования только такого единства, которое вытекало бы из ее собственного всеобщего влияния. И каждая новая область, последовательно приобретаемая ею, никогда более не может возвратиться ни к теологии, ни к метафизике в силу все чаще наблюдающегося окончательного признания этих возрастающих приобретений здравым смыслом каждого.

Именно только путем такой систематизации теоретическая мудрость, обобщая и укрепляя, действительно доставит практическому благоразумию достойную и равносильную компенсацию за важные услуги, оказанные ей последним, сообщавшим ее деятельности реальность и силу в течение ее медленного и постепенного зарождения; по правде сказать, положительные понятия, полученные за последние два века, гораздо более ценны как будущие материалы новой общей философии, чем по их непосредственному и специальному достоинству, так как большая часть из них не приобрела еще своего окончательного характера – ни научного, ни даже логического.

* * *

Таким образом, совокупность нашей умственной эволюции и, в особенности, великое движение, совершившееся в Западной Европе, начиная от Декарта и Бэкона, отныне не допускают другого возможного исхода, как создать, наконец, после стольких необходимых предварительных подготовлений, истинно нормальный строй человеческого разума, сообщая положительному мышлению еще недостающие ему полноту и рациональность, дабы установить между философским гением и всеобщим здравым смыслом гармонию, которая до пор никогда не могла существовать в достаточной мере. А изучая эти два одновременные условия полноты и систематизации, которые реальная наука должна теперь выполнить для того, чтобы возвыситься до достоинства истинной философии, приходится скоро признать, что они окончательно совпадают.

В самом деле, с одной стороны, великий первоначальный кризис новейшей положительной философии оставил вне научного движения в собственном смысле слова только моральные и социальные теории, пребывающие поэтому в неразумной изолированности под бесплодным господством теолого-метафизического духа; таким образом, именно в возвышении последних также на положительную стадию должно было бы состоять в наше время последнее доказательство истинного философского мышления, последовательное распространение которого на все другие основные явления уже достаточно подготовлено. Но, с другой стороны, это последнее расширение естественной философии само собой стремилось тотчас же систематизировать ее, выстраивая единую, как научную, так и логическую точку зрения, которая могла бы господствовать над совокупностью наших реальных умозрений, всегда необходимо превращаемых в человеческий, т. е. социальный взгляд, единственно способный стать активно всеобщим.

Такова двоякая философская цель основного, одновременно частного и общего преобразования: наиболее выдающиеся современные мыслители считают эту задачу достаточно выполненной, так как уже установлены истинные и непосредственные основания полного умственного обновления, которое было предложено Бэконом и Декартом, но окончательное осуществление которого выпало на долю нашего века.

Превосходство положительного мышления

Для того, чтобы окончательная систематизация человеческих понятий была теперь надлежащим образом охарактеризована, недостаточно рассмотреть, как мы это только что сделали, ее теоретическое назначение; нужно также оценить здесь ясно, хотя и вкратце, ее необходимую способность указать единственный действительно возможный интеллектуальный выход из бесконечного социального кризиса, развившегося за последние полвека во всей Западной Европе и, в особенности, во Франции.

В продолжение последних пяти веков постепенно совершалось безвозвратное разрушение теологической философии, и в то же время политическая система, идейным основанием которой она являлась, все более и более подвергалась не менее коренному разложению, шедшему равным образом под знаменем метафизического мышления. Существенными и солидарными орудиями этого двоякого отрицательного движения были, с одной стороны, университеты, сначала созданные духовенством, но вскоре выступившие его яркими противниками, а, с другой стороны, различные корпорации легистов, постепенно проникавшиеся враждой к феодальным властям.

Только по мере того, как распространялся дух критики, ее деятели, не изменяясь по существу, становились более многочисленными и менее высокими по своему уровню, так, в XVIII веке главная революционная деятельность должна была перейти в области философии от ученых в собственном умысле к обыкновенным литераторам а, затем, в политике – от судей к адвокатам. Великий окончательный кризис¹ начался неизбежно, когда общий упадок – сначала случайный, а затем систематический, – упадок, которому, сверх того, различно способствовали все классы нового общества, достиг, наконец, такой степени, когда стала ясной невозможность сохранить старый порядок, и резко выступила настоятельная потребность в новом.

С момента своего зарождения этот кризис постоянно стремился превращать в широкое органическое движение критическое направление предшествовавших пяти веков, представляясь по преимуществу предназначенным непосредственно произвести социальное преобразование, почва для которого тогда уже вполне была подготовлена предыдущей отрицательной деятельностью. Но это решительное обновление хотя и становилось все более и более настоящим, должно было оставаться до сих пор в существе своем невозможным, в виду отсутствия философии, действительно способной доставить ему необходимое идейное основание. Даже в то время, когда достаточно продвинувшееся вперед предварительное разложение побуждало отвергнуть обусловившие его чисто отрицательные учения, – роковое заблуждение, тогда неизбежное, приводило, напротив, к тому, что метафизическому мышлению, единственно действовавшему в течение этого долгого подготовительного периода, сама собой предоставлялась общая руководящая роль в преобразовательном движении.

Когда вполне решительный опыт навсегда констатировал полную органическую несостоятельность такой философии, то отсутствие всякой другой теории сначала не позволяло удовлетворять уже возобладавшим требованиям порядка другим путем, кроме временного восстановления в некотором роде той самой идейной и социальной системы, непоправимое падение которой обусловило наступление кризиса.

Наконец, развитие этого попятного движения должно было затем вызвать памятную манифестацию², которую наши недочеты в области философии сделали столь же необходимой, как и неизбежной, дабы непреложно доказать, что прогресс составляет, совершенно так же, как и порядок, одно из двух основных условий новейшей цивилизации.

¹ Революция 1789 г.

² Революция 1830 г.

* * *

Естественное сочетание этих двух неизбежных испытаний, возобновление которых стало теперь столь же невозможным, сколь и бесполезным, привело нас в настоящее время к этому странному положению, когда ни в интересах порядка, ни ради прогресса не может быть принято ничего истинно великого, за отсутствием философии, действительно приспособленной к совокупности наших потребностей.

Всякая серьезная попытка преобразования скоро останавливается перед опасениями регресса, которые она естественно должна внушать в эпоху, когда идеи порядка по существу своему вытекают еще из старого уклада, ставшего по справедливости ненавистным современным народам, точно же попытки непосредственно ускорить поступательный ход политики вскоре наталкиваются на преодолимые препятствия, вследствие порождаемых ими весьма законных тревог о неизбежности монархии, пока идеи прогресса остаются преимущественно отрицательными.

Как и до кризиса, видимая борьба ведется, таким образом, между теологическим мышлением, признанным несовместимым с прессом, который оно догматически отвергало, метафизическим мышлением, которое, сумев вызвать всеобщее сомнение в философии, стремилось в политике лишь к установлению беспорядка или к состоянию, равносильному безначалию. Но, в виду единодушного сознания их общей неудовлетворительности ни тот, ни другой метод мысли отныне могут внушать управляющим или управляемым глубокие активные убеждения. Их антагонизм продолжает, однако, взаимно питать их, и ни один из не способен скорее, чем другой, либо совершенно оставить поле битвы, либо одержать решимую победу; ибо состояние нашего мышления делает их еще необходимыми, дабы одновременные условия, с одной стороны, порядка, с другой, прогресса, могли быть хоть как-нибудь соблюдены, пока новая философия не сможет одинаково удовлетворить им, сделав, наконец, равно бесполезными реакционную и критическую школы, из которых каждая имеет теперь главной целью помешать полному возобладанию другой.

Тем не менее, тревоги противоположного характера, относящиеся к этим противоречивым формам мысли, естественно останутся нерассеянными, пока будет продолжаться идейное междуцарствие, неизбежное следствие неразумного разлучения двух нераздельных сторон великой социальной проблемы.

В самом деле, каждая из этих двух школ, вследствие своего исключительного стремления, не способна даже удовлетворительно сдерживать противоположные заблуждения своего антагониста. Невзирая на свою антианархическую тенденцию, теологическая школа показала себя в наше время совершенно бессильной помешать росту разрушительных воззрений, которые, развившись, главным образом, в период ее полного восстановления, часто распространяются ею ради легкомысленных династических расчетов.

Точно так же, каков бы ни был антиреакционный инстинкт метафизической школы, она лишена теперь всей той логической силы, которой требовала бы ее простая революционная функция, ибо ее характерная непоследовательность заставляет ее допускать основные принципы той самой системы, истинные условия бытия которой она беспрерывно подрывает.

Это печальное колебание между двумя противоположными философиями, ставшими одинаково бесполезными и могущими прекратить свое существование только одновременно, должно породить развитие своего рода посредствующей школы, по существу неподвижной и преимущественно предназначенной выдвигать непосредственно социальный вопрос во всей его совокупности, провозглашая, наконец, равно необходимыми два основных условия, отделяющих друг от друга оба господствующие мнения. Но в виду отсутствия философии, способной осуществить это великое сочетание духа порядка с духом прогресса, эта третья школа

остается логически еще более бессильной, чем две другие, ибо она возводит в систему непоследовательность, освящая одновременно реакционные принципы и отрицательные правила, дабы привести их к взаимоуничтожению.

Прямо препятствуя всякому действительному возобладанию какой-либо системы и далекое от стремления закончить кризис, такое направление могло бы только способствовать ее увековечению, если бы оно не ограничивалось временным назначением эмпирически отвечать наиболее серьезным требованиям нашего переходного состояния до решительной победы единственных доктрин, которые могли бы отныне удовлетворять все наши потребности. Но рассматриваемое в таком смысле это предварительное, средство стало теперь столь же необходимым, сколь неизбежным.

Быстрое достижение им практического влияния, молчаливо признанного обеими активными партиями, все более и более обнаруживает одновременное ослабление теперешних народов, прежних убеждений и страстей, как реакционных, так и критических, постепенно заменяемых общим реальным, хотя и неясным, чувством возможности постоянного соглашения между консервативным и прогрессивным направлениями, одинаково свойственными нормальному состоянию человечества.

Соответственное стремление государственных людей по возможности помешать теперь всякому большому политическому движению само собой отвечает сверх того, основным требованиям положения, допускающего действительно только временные учреждения, пока истинная общая философия не объединит умы в достаточной степени.

* * *

Это инстинктивное сопротивление современных властей способствует помимо их воли облегчению действительного разрешения кризиса, побуждая бесплодную политическую агитацию превращаться в активное философское поступательное движение, дабы последовательно пройти, наконец, путь, предначертанный собственной природой окончательной реорганизации, которая должна сначала совершиться в идеях, чтобы распространиться затем на нравы и лишь после этого на учреждения.

Такое превращение, стремящееся уже стать преобладающим во Франции, естественно должно будет все более и более развиваться всюду, в виду возрастающей необходимости, в которую поставлены теперь наши западные правительства, – поддерживать с большими расходами материальный порядок среди идейного и морального беспорядка.

Эта необходимость должна мало-помалу существенно поглощать их повседневные усилия, заставляя их молчаливо отрекаться от всякой серьезной роли в духовной реорганизации, предоставленной таким образом свободной деятельности философов, которые покажут себя достойными руководить ею.

1. Огюст Конт родился в католической семье, его отец был сборщиком податей.

В лицее Конт особенно успевал в математике, а поступив в Политехническую школу в Париже, он удивлял профессоров и товарищей своим умственным развитием. В 1820-х годах Конт сблизился с Сен-Симоном, стал на несколько лет его учеником, но затем разошелся с ним во взглядах.

В 1826 году Конт начал читать лекции по позитивной философии перед учеными слушателями, в числе которых находились Александр Гумбольдт и другие французские знаменитости.

Эта естественная тенденция современных властей находится в гармонии с само собой возникающим стремлением народов к кажущемуся политическому индифферентизму, который объясняется коренной несостоятельностью различных ходячих учений и который не ослабнет, пока политические споры, за отсутствием надлежащего стимула, будут вырождаться, по-прежнему, в бесполезные личные столкновения, все более и более печальные.

Такова благоприятная практическая сила, которую вся совокупность нашего переходного состояния кратковременно доставляет школе, по существу эмпирической, и эта школа в теоретическом отношении может создать лишь систему в корне противоречивую, не менее нелепую и опасную в политике, чем нелеп и опасен в философии соответствующий ей *эклeктизм*, вдохновляемый также тщетным намерением согласовать за отсутствием собственных принципов, противоположные мнения.

Согласование порядка и прогресса

В силу все более и более развивающегося сознания равной социальной неудовлетворительности общественный разум должен быть расположенным скрыто признавать теперь положительное мышление единственно возможным основанием для истинного разрешения глубокой интеллектуальной и моральной анархии, преимущественно характеризующей великий современный кризис.

Оставаясь еще чуждой таким вопросам, положительная школа постепенно готовилась, приводя в течение революционной борьбы последних трех веков в действительно нормальное состояние все более простые классы наших реальных умозрений. Укрепленная такими логическими и научными опытами, свободная, сверх того, от современных заблуждений, она представляется теперь приобретшей, наконец, недостававшую ей до сих пор философскую общность; отныне она дерзает в свою очередь предпринять еще не начатое разрешение великой проблемы, надлежащим образом применяя новый метод и к конечным исследованиям, подобно тому, как она это последовательно сделала относительно различных предварительных изысканий.

Прежде всего, нельзя не признать само собой возникающей способности этой философии непосредственно построить еще столь тщетно искомое основное согласование одновременно между требованиями порядка и прогресса. Для этого ей достаточно распространить на социальные явления тенденцию, которая вполне соответствует ее природе и которую она теперь сделала крайне обычной во всех других основных случаях. В каком бы то ни было вопросе положительное мышление всегда приводит к установлению точной элементарной гармонии между идеями порядка и идеями прогресса. Для новой философии порядок составляет всегда основное условие прогресса и, обратно, прогресс является необходимой целью порядка: подобно тому, как в животной механике равновесие и поступательное движение взаимно необходимы в качестве основы или цели.

Рассматриваемое затем специально со стороны порядка, положительное мышление в своем социальном расширении обеспечивает этому порядку могущественные и непосредственные гарантии, не только научные, но также логические, которые скоро будут признаны бесконечно превосходящими тщетные притязания реакционной теологии, в течение нескольких веков все более и более вырождающейся в деятельный элемент личных или национальных раздоров и отныне не способной сдерживать пагубные шатания своих собственных последователей.

Поражая современный беспорядок в его основании, необходимо коренящемся в области мысли, положительная философия устанавливает столь глубоко, насколько это возможно, логическую гармонию, преобразовывая сначала *методы* (еще не касаясь доктрин) посредством одновременного тройного обновления – природы господствующих вопросов, способа их рассматривания и предварительных условий их обсуждения. В самом деле, с одной стороны, она доказывает, что главные социальные затруднения являются теперь по существу не политическими, но преимущественно моральными, так что их возможное разрешение зависит от воззрений и нравов гораздо более, чем от учреждений; это обстоятельство стремится устранить смуту, превращая политическую агитацию в философское движение.

С другой стороны, она всегда рассматривает настоящее состояние как необходимый результат всей предшествовавшей эволюции, постоянно отводя, при исследовании современных человеческих событий, преобладающее место рациональной оценке прошлого, что тотчас устраняет чисто критические тенденции, несовместимые со всякой здоровой исторической концепцией.

Наконец, вместо того, чтобы оставлять социальную науку в смутной и бесплотной изолированности, в которую еще ставят ее теология и метафизика, она ее непреложно согласовывает со всеми другими основными науками; последние по отношению к этой конечной области знания составляют последовательный ряд необходимых вводных дисциплин, где наш ум приобретает одновременно привычки и понятия, без которых он не может продуктивно приступить к наиболее возвышенным положительным умозрениям, а это обстоятельство создает уже истинную умственную дисциплину, способную поставить на надлежащую почву столько споров ныне, как того и следует ждать, еще недоступных массе слабо одаренных или плохо подготовленных умов.

Эти великие логические гарантии, сверх того, в полной мере подтверждаются и развиваются затем научной оценкой в собственном смысле слова которая относительно социальных явлений, как и по отношению ко всем другим, представляет всегда наш искусственный порядок как долженствующий, заключаться, главным образом, в разумном продолжении, сначала случайном, а потом систематическом, естественного порядка, вытекающего в каждом случае из совокупности реальных законов, действительное действие которых обыкновенно способно видоизменяться благодаря нашему мудрому вмешательству, в определенных пределах, тем более широких, чем выше стоят явления.

Одним словом элементарное чувство порядка является естественно нераздельным со всеми положительными умозрениями, постоянно направляемыми к открытию средств для объединения наблюдений, главная ценность которых обуславливается их систематизацией.

* * *

Точно так же и, пожалуй, еще более очевидно, обстоит дело по отношению к прогрессу, который вопреки напрасным онтологическим притязаниям, находит теперь в совокупности научных исследований свое наиболее бесспорное проявление. В силу их абсолютной и, следовательно, по существу неподвижной природы метафизика и теология, одна не более, чем другая, могли быть способны на действительный *прогресс*, т. е. на непрерывный поступательный ход к одной определенной цели.

Напротив, их исторические превращения состоят преимущественно в возрастающем забвении вопросов, как умственных, так и социальных, без того, чтобы эти вопросы, раз возбужденные, могли сделать какой-либо реальный шаг, уже по причине их совершенной неразрешимости. Легко заметить, что онтологические споры греческих школ были, по существу дела, в других формах воспроизведены средневековыми схоластиками, и что равноценные им явления мы вновь наблюдаем теперь в спорах наших психологов и идеологов, – и в течение этих двадцативековых бесплодных словопрений ни одна из спорных доктрин не могла привести решительных доказательств хотя бы только относительно существования внешних тел, еще столь же проблематичного для новейших авторов, как и для их более древних предшественников.

Очевидно, что непрерывное движение положительных знаний внушило Паскалю два века тому назад выраженное им в своей философской формуле первое рациональное понятие о человеческом прогрессе, понятие, необходимо чуждое всякой древней философии. Распространенная затем на промышленную эстетическую эволюцию, но оставшаяся слишком неясной в области социального движения, эта смутно стремится теперь к окончательной систематизации, которую может произвести только обобщенное, наконец, надлежащим образом положительное мышление. В своих повседневных умозрениях оно само собой воспроизводит элементарное активное чувство, всегда представляя расширение и совершенствование наших реальных знаний как существенную цель наших различных теоретических усилий.

Более систематическое рассмотрение показывает, что новая философия непосредственно определяет необходимое назначение всего нашего существования – одновременно личного и социального – непрерывное улучшение не только нашего состояния, но так же и, в особенности, нашей природы, поскольку это во всех отношениях допускает совокупность внешних или внутренних реальных законов.

Возводя, таким образом, идею прогресса в истинно основной догмат человеческой мудрости, практической, так и теоретической, положительная философия сообщает ей наиболее благородный и, в то же время, наиболее полный характер, представляя всегда второй вид совершенствования высшим, чем первый. Действительно, так как, с одной стороны, воздействие человечества на внешний мир зависит преимущественно от способностей действующего, то улучшение последних должно составлять наш главный ресурс; и так как, с другой стороны, человеческие личные или коллективные явления наиболее способны видоизменяться, то именно относительно их наше разумное вмешательство естественно возможно в наиболее широких размерах.

Догмат прогресса может, таким образом, стать достаточно философским только на основании точной оценки того, что главным образом составляет это непрерывное улучшение нашей природы, улучшение, являющееся главной целью поступательного движения человечества. А в этом отношении совокупность положительной философии вполне доказывает, как это можно видеть в труде, указанном в начале этого «Слова», что совершенствование, как для индивидуума, так и для рода, по существу заключается в доставлении преобладания возвышенным свойствам, наиболее отличающим нашу *человечность* от простой животности, т. е. с одной стороны уму, а с другой, общественности, – способностям, естественно связанным между собою, взаимно служащим друг другу средством и целью.

Хотя само собой совершающееся течение личной или социальной человеческой эволюции всегда развивает общее влияние последних, их комбинированная сила не могла бы, однако, помешать тому, чтобы наша главная деятельность не определялась низшими наклонностями, которые в силу присущей нам организации необходимо являются более энергичными.

Таким образом, это идеальное преобладание нашей человечности над нашей животностью, естественно, отвечает основным условиям истинно философского *типа*, очерчивая определенный предел, к которому все наши усилия должны нас постоянно приближать, будучи, однако, лишены возможности когда-либо его достигнуть.

* * *

Это двоякое указание основной способности положительного мышления самопроизвольно систематизировать здоровые нераздельные понятия порядка и прогресса достаточно для того, чтобы здесь вкратце охарактеризовать высокое социальное значение, присущее новой общей философии. Ее ценность в этом отношении зависит, главным образом, от ее полной научной реальности, т. е. от точной гармонии, по возможности всегда устанавливаемой между принципами и фактами, как касательно социальных, так и относительно других явлений.

Полная реорганизация, единственно способная прекратить великий современный кризис, в области мысли – где она и должна прежде всего свершиться – действительно состоит в построении социологической теории, которая могла бы надлежащим образом объяснить человеческое прошлое, таков способ рациональной постановки основного вопроса, позволяющий лучше избежать влияния всякой волнующей страсти. А именно таким образом необходимое превосходство положительной школы над различными современными школами может быть оценено более точно. Ибо теология и метафизика, в силу абсолютного характера, обе были склонны рассматривать только ту часть прошлого, когда каждая из них господствовала по преимуществу: то, что периоду предшествовало и что за ним последовало, казалось им лишь мрач-

ным замешательством и необъяснимым беспорядком, связь которых с ограниченной частью великого исторического развития могла, по их мнению, вытекать только из чудес вмешательства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.